СТИЛЬ

Крестовый поход

часы **юбилей**

Vacheron Constantin, старейшая часовая мануфактура, отметила в Женеве свое 250-летие. За юбилейными торжествами проследил **Алексей Тарханов.**

3 апреля в Женеве прошло под знаком мальтийского креста. В 1888-м Vacheron Constantin выбрали его своей эмблемой. Но не в честь мальтийских рыцарей-иоаннитов, а в честь детали часового механизма, преобразующего непрерывное вращение в прерывистое.

Вместо того чтобы объяснять свое всемирно-историческое значение, Vacheron Constantin предпочли его показать. На вечер 3 апреля был назначен прием на старом женевском заводе. А днем аукционный дом Antiquorum начал продажу, названную «Четверть тысячелетия». 250 часов, произведенных на мануфактуре за последние века, поменяли владельцев при невероятном стечении народа и невероятном ажиотаже. Разве что без криков «больше двух в одни руки не давать». Даже если бы на каждый предмет уходила минута, торги растянулись бы на четыре с лишним часа. Глава Vacheron Constantin Клод Даниэль Проллок сидел в первом ряду и страшно волновался, как будто бы это он сам торгуется за каждый из выставленных лотов. Конечно, собранные 18 с лишним миллионов франков показывали, чего стоит репутация Vacheron Constantin, с другой — на заводе накрыты столы, все стынет, а тут гости, листая каталоги, отчаянно бьются друг с другом за часовые редкости. «Едва успел переодеться»,— признался он мне потом.

Эти 250 лотов, прошедшие перед нами парадной колонной, сказали о Vacheron Constantin гораздо больше, чем хрестоматийная история о том, как Жан-Марк Вашрон открыл в 1755-м мастерскую в соседнем квартале Сен-Жерве. Как в 1819-м к его потомкам присоединился Франсуа Константин, сумевший прославить марку в Европе. Как в 1839-м изобретатель, инженер Жорж Огюст Лешо создал для Vacheron Constantin первые станки, которые позволили механизировать производство деталей в невиданных по тем временам (когда часы строили штучно, как дома или корабли) размерах.

На экране аукциониста появлялись то классические модели 1970-х, то ювелирные часы начала прошлого века, то морские хронометры, то дарственные луковицы, принадлежавшие первостепенным и второстепенным королям. Все на ходу и в отличном состоянии, готовые отстучать еще столько же. В зале за них платили десятки и сотни тысяч. Но покупали не столько за то, что их крышки были украшены бриллиантами, или коралловыми скульптурами, или королевскими гербами, их покупали за механизмы, за усложнения, за дополнительные функции, которые уже века составляют гордость часового дома.

«American», 1921

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Карманные часы с хронографом, сделанные для американских вооруженных сил, 1918

«The Caravel», 1950

Карманные часы «The World Time», 1946

Подвеска с часами «Lapis Lazuli», 1927

Карманные часы «Triple Complication», 1964

Карманные часы «King Fouad», 1914-1929

В Европе есть марки, часы которых появлялись и раньше 1755-го. Но Vacheron Constantin — единственная мануфактура, в течение этих 250 лет не прекращавшая работу и накапливавшая умения. Это совершенно непредставимый срок, за время которого часовая история не раз сделала полный круг. Они прошли все перемены моды, многие из них создавали сами и буквально в гробу видали своих самых знаменитых заказчиков.

Их образ уже не связан с какими-либо определенными часами, слишком много их было. Vacheron Constantin не мануфактура одной знаменитой модели (мы говорим Jaeger-LeCoultre — подразумеваем Reverso, говорим Luminor — подразумеваем Panerai). Если взяться перечислять культовые модели Vacheron Constantin, понадобится больше времени, чем на весь женевский аукцион с ночным приемом в придачу.

В 1980-х им пришлось довольно тяжело доказывать, что они — не музейная ценность, но живое предприятие и что на них рано ставить крест, хотя бы и мальтийский. Им это удалось, и почти каждый год они представляют новинки, о которых не могут не говорить часовые журналисты. Это не хиты в полном смысле этого слова, слишком миниатюрны серии, но они демонстрируют класс во всех аспектах часового мастерства. Прошлогодняя серия Patrimony «Великие мореплаватели» показала и драгоценную эмаль, и удивительный механизм, и необычную схему циферблата — хотя что может быть нового при 250-летней истории: были и окошки с цифрами без стрелок, и bras en l'air, и циферблат American, повернутый на 45°. Настоящие коллекционные часы, сделанные для обоюдного удовольствия мастера и клиента. При этом Vacheron Constantin сохраняют свои простые классические модели (если можно назвать простыми часы со сверхплоским механизмом не свыше 2 мм, которые сделали полвека назад к 200-летию, или асимметричные женские часы Prestige de la France (1972), потому что нечего бросаться классикой, 250-летним господам это не пристало.

Теперь их образ — не часы, а сама мануфактура. Еще в 2002-м они представили проект нового здания в женевском пригороде Плен-дез-Уат, заказав его не кому-нибудь, а знаменитому швейцарскому архитектору Бернару Чуми. Ее проектировали и строили с такой же тщательностью, как делают часовые механизмы. Чуми поражался времени, которое он тратил, обсуждая форму кранов в сортирах, но это было вполне в духе мануфактуры, которая гордится тем, что головки винтов, не видимые человеческому глазу, отделаны с не меньшим тщанием, чем циферблат.

Юбилейные модели этого года должны были напоминать о том, что Vacheron Constantin ничего не забыли и всему научились. Metiers d'Art — сет из четырех часов с циферблатами, украшенными эмалями, показал мастерство их эмальеров. Двухсторонние Tour de l'Ile стали самыми сложными наручными часами, когда-либо созданными швейцарскими часовщиками. И наконец, эмблема аукциона и юбилея — настольные, открывающиеся, как лунная станция, Esprit des Cabinotiers. Их золотой шар гравирован от руки по рисункам глобуса звездного неба, который королевский астроном Роберт де Вогонди создал для Людовика XV. Как их открыть, знает только хозяин, только он может раскрыть лепестки глобуса и пустить часы, которые имеют все до избыточности усложнения — мировое время, вечный календарь, украшены часовой и четвертьчасовой репетир вплоть до термометра. Но куда более символично их название. Esprit des Cabinotiers названы в честь часовых мастеров, которых во времена Людовика называли cabinotiers и дух, esprit, которых и есть главное богатство, которым теперь может похвастаться старейшая мануфактура.

«Трудно первые 250 лет»

часы **часовщик**

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Клод Даниэль Проллок — генеральный директор Vacheron Constantin с 1988 года. Сын директора Швейцарской часовой палаты, он учился игре на флейте и мечтал стать дирижером, а в итоге прошел серьезную школу часового производства. Поработав в Omega и Eterna, он начал руководить старинейшей часовой мануфактурой Швейцарии и мира.

— Свое 250-летие Vacheron Constantin начал аукционом Antiquorum, где было продано 250 великолепных часов вашей марки — с позапрошлого века и до наших дней. Это что, решительное расставание с прошлым?

— Ну почему же расставание? Мы как раз воспользовались случаем, чтобы купить на Antiquorum некоторые вещи, которых недоставало музею, открытому в этом году в отреставрированном здании нашей штаб-квартиры. А то, что мы выставили на аукцион сами, это часы, которые мы специально сделали к юбилею в единственном экземпляре. И то, с каким ажиотажем они были куплены, нам очень приятно. Особенно одна из этих вещей, часы в виде раскрывающегося глобуса Esprit des Cabinotiers. Они ушли ни много ни мало за 2 млн франков.

— И стояли при входе на ваш стенд на SIHH. Неужели вы сами у себя ее купили?

— Конечно, нет, это ведь не игра в прятки. Просто с самого начала мы договорились, что все юбилейные вещи, которые мы выставляем на аукцион, на время SIHH украсят наш стенд. Ну а потом, разумеется, отправятся к своим новым владельцам. Им уж придется немного подождать.

— Чем вы собираетесь заняться в ближайшие 250 лет?

— Тем же, что мы делали раньше. Работать с часовой техникой, работать с формой, культивировать красоту. По-моему, когда вам стукнет 250 лет, самое главное — это не сказать: «Уф! Наконец-то приплыли!»

— Все-таки цифра круглая, четверть тысячелетия.

— «Четверть тысячелетия» звучит устрашающе только в масштабах человеческой жизни. Мы гордимся тем, что Vacheron Constantin — самая древняя часовая мануфактура на свете, но с точки зрения истории 250 лет не такой уж большой срок. Часы Vacheron Constantin — это легенда, а легенды, бывает, живут и гораздо дольше. Все, что мы сделали в этом году,— дань великим мастерам, которые создали нашу марку. Вот, например, двусторонние Tour de l'Ile, возможно, самые сложные часы, которые когда-либо были сделаны. Это целый часовой комбайн, где наши мастера свели воедино все, что доступно было их умению в течение всех 250 лет. Раньше самыми сложными часами, произведенными у нас, были карманные часы египетского короля Фуада I, и заметьте, с каким успехом они ушли на аукционе. Мне трудно даже представить, сколько будет стоить Tour de l'Ile, когда Vacheron Constantin будет отмечать 500-летие.

— Эти сверхсложные часы вы произвели рекламы ради или из спортивного интереса?

— Этими вещами мы показали, что мы живы и не собираемся уходить на заслуженный отдых. Мы сохранили все, что мы умели. Человек, купивший часы нашей марки — когда бы они ни были произведены, хоть в XVIII веке,— всегда может рассчитывать на ремонт, не гарантийный, конечно.

— Наверное, легко быть немолодым? Vacheron Constantin должны уже ставить вперед просто по старшинству.

— Многие журналисты спрашивают: вы номер один? Или номер два? Или номер три? Я всегда отвечаю, что не могу ответить. Я говорю только одно: мы очень внимательны к этике нашего ремесла, вот этому история нас неплохо научила. Мы стремимся, чтобы наши клиенты, без которых, кстати, мы бы и не прожили эти столетия, получали достойные их часы. Мы не имеем права городить что угодно только потому, что мы старейшие и у наших клиентов есть деньги. Нет, наоборот, поскольку у наших клиентов есть деньги, мы имеем возможность делать прекрасные вещи, быть может, лучшие, чем делают другие. Покупателю они стоят денег, а нам — многих часов, дней, а иногда и месяцев работы. Обмен равноценный и взаимовыгодный.

Беседовал АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Фокус на запястье

часы **юбилей**

Corum отмечает свой первый серьезный, 50-летний, юбилей. По швейцарским часовым меркам Corum — марка-младенец. Практически все новички начинают с выпуска часов эксцентричных, откровенно жаждущих внимания — иначе не привлечь публику. Фокус Corum заключается в том, что юношеский запал марка сохраняет на протяжении полувека.

Основатели компании Гастон Рие и Рене Баннвар дали новому предприятию в Ла-Шо-де-Фоне имя Corum, производное от латинского «кворум». Эмблемой был избран вычурной формы ключ, более подходящий какому-нибудь частному швейцарскому банку с богатой историей. Впрочем, отцы-основатели толковали эмблему как «ключ к совершенному времени». Таким образом, тяга к символизму проявилась у Corum еще в момент рождения.

Первой значительной разработкой Corum, оставившей след в анналах часового дела, стала модель Romulus. Впервые она была представлена в 1958 году и для своего времени обладала минималистским дизайном: часы имели абсолютно пустой циферблат, без минутных и часовых меток, и две стрелки (часовую и минутную) весьма лаконичного вида. Циферблат украшают лишь логотип компании и название модели в латинском написании: ROMVLVS.

Спустя шесть лет минималистская линия получила развитие в интересных часах-монете. Их корпус представляет собой золотую американскую 20-долларовую монету Double Eagle. Double Eagle от Corum — единственная модель, которая продолжила старую швейцарскую традицию производства часов-монет (coin watch). Часы-монета не должны были превышать размера оригинальной монеты. Монету распиливали, ее аверс (лицевая сторона) служил циферблатом, а реверс (оборотная) — задней крышкой корпуса. На циферблате не должно было быть никаких меток, кроме логотипа фирмы. Corum гордился тем, что такие часы-монету носили шесть президентов США (с момента появления Double Eagle до сегодняшнего дня в Америке были избраны восемь президентов).

В 1980 году Corum представил технически сложные часы Golden Bridge с так называемым линейным механизмом. Весь механизм, помещенный в прозрачный скелетонизированный корпус, имеет 30 мм в длину и закреплен на трех вертикальных золотых мостах. Общую картину дополняют вручную граненные сапфировые стекла. Для придания законченности корпусу конструкторы отказались от традиционного размещения заводной головки и определили ее на нижнюю боковину корпуса.

Мануфактура Corum, 1955

Classic Corum, 2002

Bubble, 2001

Оглушительный коммерческий успех пришел к Corum с моделью Admiral's Cup, представленной в 1983 году. Двенадцатигранный корпус в противоположность прежним моделям марки был перегружен деталями: на ободе нашлось место для стилизованных изображений сигнальных флагов, используемых яхтсменами, а на циферблате — не только для окна указателя даты, но и для индикатора фаз Луны и фирменной опции модели — трех индикаторов морских приливов и отливов. Для продвижения этой модели Corum стал спонсором множества яхтенных мероприятий, в том числе международных регат.

В январе 2000 года сын одного из основателей Corum Жан Рене Баннвар продал компанию бывшему держателю лицензии на производство часов Gucci предпринимателю Северину Вундерману. При новом владельце линейка марки обогатилась экстравагантными часами Bubble («пузырь»), узнаваемыми благодаря огромному выпуклому сферическому стеклу толщиной 11 мм, а также моделью Trapeze в форме перевернутой трапеции, со специально изогнутым, прилегающим к запястью корпусом. Технически эти часы, впрочем, не слишком изысканны — в них используются покупные механизмы ETA, что не мешает старшему Вундерману и его сыну Майклу, поставленному у руля фирмы пару лет назад, продолжать линию на производство различных вариаций Bubble. В последние годы Вундерманы придумали выпускать лимитированные коллекционные серии «пузырей» с уклоном в явный оккультизм. Например, в этом году показана модель Bubble Privateer с обязательной для пиратской стилистики оскаленным черепом; в прошлые годы циферблаты украшали летучие мыши, опять же черепа и прочая нечисть.

Еще одним источником вдохновения для дизайнеров Corum служат драконы и райские птицы, которых они с большим искусством в технике перегородчатой эмали изображают на циферблатах (фоном выступают квадратные часы Buckingham или круглые корпуса семейства Classic). Эти произведения особенно популярны у китайских товарищей, которым очень нравится богато изображенная мифическая крылатая живность.

Admiral's Cup, 2000

Впрочем, не стоит забывать, что в арсенале Corum припасено кое-что и для любителей сложностей. Например, модель Classic Heure Sautante с индикатором «прыгающего часа» и отдельным счетчиком секунд. Часы имеют вполне традиционный дизайн и, в общем, несколько дисгармонируют с экстравагантной продукцией семейного предприятия Вундерманов.

ЮРИЙ ХНЫЧКИН, газета «Бизнес»

Сага о A. Lange&Sohne

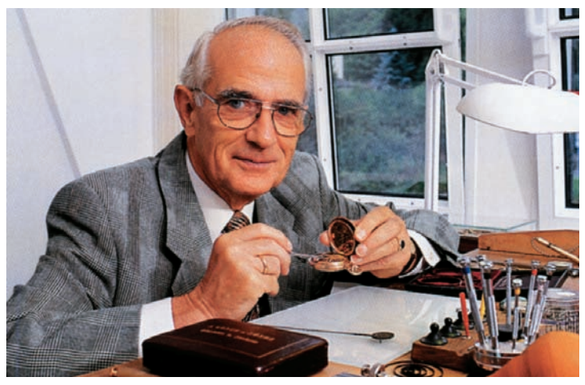
часы **мемуары**

Вальтер Ланге, человек, заново открывший легендарную немецкую мануфактуру A. Lange & Sohne, выпустил книгу мемуаров под названием The Revival of Time.

«Возвращение домой» и «возрождение времени» — темы фирменные для мануфактуры из Гласхютте. История часового дела семьи Ланге, начавшаяся в 1845 году, была прервана бомбежкой союзников 8 мая 1945-го, а потом экспроприацией фабрики — «в пользу народа ГДР». После образования ГДР Гласхютте, деревню под Дрезденом, одно из главных часовых мест Германии, покинули те, кто заправлял здесь сто лет. Ланге были в числе эмигрантов: они уехали в 1947-м, отказавшись подписать договор о передаче мануфактуры государству. Вальтеру Ланге, правнуку основателя компании Адольфа Ланге, было тогда 23 года. 20 апреля 1948 года фабрику экспроприировали, в 1951-м мануфактура превратилась в заводик будильников, «russian chronometers», как называет их Ланге.

Мемуары Ланге начинает с темы возвращения. После падения Берлинской стены он вернулся и застал «свою Германию» в упадке. Ланге упоминает тех, кто помог вернуться,— это Михаил Горбачев и его «перестройка и гласность». В самом начале 1990-го Ланге приехал в Дрезден и увидел «советский Дрезден» — пятиэтажки, типовые карусели, детсады, поликлиники и школы, из-под асфальтовых плит растет трава.

На возрождение мануфактуры и создание новых «первых» часов — Lange 1 — Ланге потратил пять лет. Ему помогали инженеры и дизайнеры IWC. «Я благодарен за помощь, однако нужно было возрождать немецкий часовой стиль, который серьезно отличается от швейцарского»,— пишет Ланге. Отличительным знаком часов A. Lange & Sohne стала большая дата, напоминающая часы на здании Дрезденской оперы, сделанные в 1842 году Иоханном Христианом Фридрихом Гюткасом (чья дочь была замужем за Адольфом Ланге).



Ситуация в Восточной Германии середины 90-х драматична, пишет Ланге. Утрачены былые надежды на достойную жизнь, безработица и одновременно неумение работать по-западному. Это неумение Ланге заметил еще во время своего первого посещения ГДР, в 1976 году. «Саксония — богатейший промышленный край,— пишет Ланге,— Audi, DKW, Horch, Wanderer, составившие когда-то Auto Union, были именно из Саксонии. А теперь люди разучились здесь работать!»

Большая глава в книге посвящена 30-м годам и приходу к власти национал-социалистов. Ланге пишет, что он, будучи десятилетним ребенком, не слышал «положительных оценок» деятельности сторонников Гитлера от родителей. Те ратовали за «свою Саксонию» и обращали мало внимания на то, что происходило в Берлине и Мюнхене. Ланге говорит, что после того, как его школьную христианскую организацию слили с гитлерюгенд, он принимал участие в кружках и субботних тренировках этого «общества». Ланге пишет, как оказался свидетелем вторжения немцев в Судеты. «Это было войной цветов, потому что немецкую армию чехи встречали с цветами,— утверждает Ланге.— Когда Германия напала на Польшу, я тоже наивно думал, что это будет война с цветами в руках. Я ошибался». В 1942-м Ланге оказался на восточном фронте.

В новое дело Ланге и его партнеры вложили 3 млн германских марок. На первых порах не хватало оборудования, и что-то даже привезли из Шаффенхаузена, из мануфактуры дружественной IWC. Трудно было со всем — даже с телефонной связью. Но часовщики — одни из самых терпеливых людей на свете. В 1998-м в Гласхютте завершилось строительство нового здания мануфактуры. В том же году в старом, отстроенном здании мануфактуры открыли часовую школу A. Lange & Sohne. В 2000 году A. Lange & Sohne купила Richmont Group, в собрании которой только легендарные мануфактуры и ювелирные дома.

Вальтер Ланге рассказал **Екатерине Истоминой,** зачем он написал эту книгу.

— Драматическая история вашей мануфактуры сегодня широко известна. Бомбежки, эмиграция, возвращение, открытие мануфактуры заново, открытие часовой школы...

— Я хотел написать не только книгу о мануфактуре моей семьи — прадеда Адольфа, его сыновей Ричарда и Эмиля, дяди Отто, отца, сестер Сильвии и Эдели, брата Фердинанда. Моя семья — часть истории Германии. Мой взгляд — взгляд немца, потерявшего малую родину — Гласхютте. Но я вернул себе родину. Я старый и больной человек, это моя первая и последняя книга. Я не писатель, но я постарался дать понять, что такое отдельно взятая семья, оказавшаяся в центре великих потрясений. Я написал правду — и про то, как состоял в гитлерюгенде, как воевал, как был ранен, как бомбили мой дом. Как мы наотрез отказывались подписывать документы об передаче фабрики, как бежали в Западный Берлин, как остался в Гласхютте мой дядя Отто, один из лучших мастеров Германии по карманным часам. Его я так больше никогда и не увидел.

— Кому вы предназначали свой труд?

— Конечно, в первую очередь поклонникам и коллекционерам часов A. Lange & Sohne. Среди них много сорокалетних — это меня радует. Коллекционеры собирают не только часы A. Lange & Sohne, но и все, что с ними связано,— книги, каталоги. От тех старых, довоенных A. Lange & Sohne немного-то и осталось! Я после бомбежек ходил и собирал винтики и корпуса — хотел хоть что-то сохранить.

— Вы сами какие часы A. Lange & Sohne носите?

— Я ношу турбийон, который мы выпустили еще в 1994 году — это одна из первых моделей возрожденной мануфактуры. Тогда турбийон не был еще таким модным, как сейчас. Я вообще-то люблю старые вещи. Езжу на старом «Мерседесе», 1966 года. Мне сейчас уже больше ничего не нужно.

Walter Lange,
«The Revival of Time»,
Econ, 2005